

НИКА ВЕЙМАР

ОСЕННИЙ ПРЕДЕЛ

Я родилась на изломе осени, в самую последнюю ночь октября. Старая повитуха Агафья рассказывала, что на дворе бушевала непогода, настойчиво стучала по крыше частым дождем, швыряла в окна охапки листьев. Ветер то выл раненым зверем, то всхлипывал, точно обиженное дитя, заглушая и стоны роженицы, и мои первые крики. В наших краях говорили, что рожденные в Самайн отмечены вниманием трех Лордов Осени — золотого Сентября, хмурого Октября и туманного Ноября. Моя мать поначалу не верила в эти сказки, ведь каждый год где-то рождаются такие девочки, верно? Вот только не каждая из них седьмая дочь. И на моем плече наутро проступило родимое пятнышко в форме кленового листа. Метка осени.

А еще ко мне с раннего детства тянулись кошки. И ласковые деревенские мурлыки, и дикие лесные охотники. Последние не приближались, но я часто замечала то мелькнувший в кустах серый хвост, то сверкнувшие болотными огоньками глаза в наступивших

сумерках. И не раз они выводили меня к деревне, если я, увлеченная сбором ягод, слишком далеко отходила от взрослых.

— Ведьма растет, — веско заявила как-то Агафья. — Кошачья мать, лесная дочь.

— Скажешь тоже! — отмахнулась мать. — Обычная девка!

— Обычных осень не метит, — гнула свою линию старуха. — Твоя Заринка — дитя грани. Да и кошки чувят колдовок. Попомни мое слово: заберут ее Лорды, как придет срок.

— А и пусть забирают! — рассердилась мать. — Одним ртом меньше станет! — И, заметив, что я, поглаживая разомлевшую на солнце кошку Пеструшку, прислушиваюсь к разговору, цыкнула: — Ну-ка брысь отсюда вместе со своими котами! Травы лучше козам нарви! Тоже мне, избранная Осенью!

«Дитя грани», «отмеченная Осенью». Все детство я слышала эти слова. Одни говорили это с затаенным страхом, другие с надеждой. Осень в наших краях была короткой и дождливой, а зима — долгой и суровой. Урожаи скудели с каждым годом, и во многих домах, несмотря на горящие очаги, поселился холод отчаяния.

Моя семья не голодала. Пока. Но и про изобилие говорить не приходилось. Отец и старшие братья уходили рано и возвращались поздно вечером. Я, последняя, нежданная дочь, росла, как трава при дороге. Выполняла мелкие поручения, помогала матери и сестре. Меня почти не замечали, как не замечают свечу в длинной веренице: горит — и ладно. И все чаще я сбегала на чердак, к котам. Они единственные не жалели для меня тепла. Я развешивала на нитях собранные

грибы, чтобы зимой добавлять их в супы и каши, сушила ягоды и душистые травы, а когда вечера становились холодными, зажигала свечу в самодельном подсвечнике из обычной банки и грелась у печной трубы, слушая тихое мурлыканье у ног и шум ветра. Осенние ночи густо пахли опавшими яблоками и горьким дымом, и иногда казалось, что из темноты, клубящейся за маленьким оконцем на другом конце чердака, кто-то наблюдал за мной. Мир словно замирал на вдохе, а по коже прокатывался холодок. Кошки тоже настораживались. Поднимали головы и всматривались в темноту, точно вели неслышную беседу с тем, что обитало там, за чертой света, за границами дома. Но одна из осеней стала особенной и изменила все в моей жизни.

Мне было тринадцать. В тот год осень никак не хотела уходить. Дни тянулись серыми дождливыми лентами, путались в пожухлой траве мокрой листвой. Редкое солнце неохотно делилось теплом. Бросало неяркие лучи, словно подачку. Тяжелый воздух густо пах дымом, мокрой землей, отсыревшим деревом и прелой листвой.

Кошки сопровождали меня повсюду. Стоило выйти за порог — и я тут же натыкалась на очередного деревенского мышелова. Они сидели на заборах и крышах, не сводя с меня взглядов. Вились у моих ног, тревожно мяукали. И чего-то ждали.

В один из дней я ушла к реке. Хотела успеть до сумерек накопать корней рогоза. В печеном виде они напоминали сладковатый картофель, но мне редко удавалось полакомиться этим блюдом. Чаше я сушила добычу на чердаке, а зимой мать добавляла молотые корневища в хлеб. Не мука, конечно, но для сытости

годилося. Вот только вблизи деревни весь рогоз давно уже был выдран моими сверстниками, и пришлось идти вниз по течению. Солнце, окрасив небо алым, зашло, и над водой тут же за клубился туман. Поначалу несмелый, полупрозрачный, он быстро набирал силу, расползался, облизывая берег мутно-молочными языками. Я вздохнула и повернула обратно. Туман стелился так густо, что, казалось, если сделать лишний шаг, можно было утонуть в самом воздухе. Он оседал на коже влагой, заглушал звуки, отчего негромкий плеск волн превратился в едва различимый шепот.

«Ведьма...»

На миг показалось, что родимое пятно в виде листа обожгло жаром. Вспомнились сказки старой Агафьи: дескать, каждый век Осень выбирает себе ведьму, чтобы говорить с миром ее голосом... Вздвогнув, я пошла быстрее. И причудится же всякое! Но помимо воли прислушалась к шороху волн, и из тумана вновь донеслось тихое: *«Ведьма»*.

— Ничего не ведьма, — буркнула я. — Нет во мне дара!

Сама не знала, зачем произнесла это вслух. Наверное, чтобы увериться: мне просто показалось. В самом деле, не будет же вода со мной разговаривать! Но она отозвалась.

«Есть. Просто ты еще не знаешь».

— И ничего не умею, — зачем-то предупредила я.

В шелесте волн послышался легкий смех, а следом тихое: *«Научишься»*. И, словно в подтверждение этих слов, туман потерял об мои ноги, точно гигантский кот. Испуганно вскрикнув, я бросилась прочь от реки. Добежала до дома, получила нагоняй от матери за то, что

духи носят меня невесть где в такую погоду, ведь братья и сестра давно уже вернулись. А ночью у меня пошла первая кровь. И мир изменился.

Теперь я слышала и чувствовала его иначе, будто у каждой травинки, каждого дерева, каждого ручья был свой голос. Им было ведомо многое, и они щедро делились со мной знаниями. Что поможет при лихорадке или кашле, что успокоит боль, что придаст сил. Росла я — и росла моя сила. Я научилась заговаривать раны, вначале моим верным кошкам, а уж потом людям. Деревенские принимали мою помощь, приходили за отварами и мазями, а за спиной называли колдовкой. И сторонились. Я не обижалась на них. То, что непонятно и неизвестно, всегда страшит. Лишь кошки не избегали меня, и порой мне казалось, что я живу в их мире, а не в людском.

Был лишь один человек, который не боялся моего взгляда. Огнеяр. Деревенский кузнец. Он пришел в деревню, когда мне было шестнадцать. Поначалу жил в небольшой кузнице, потом построил дом на окраине. С самого утра в звуки деревенской жизни вплетался размеренный стук молота. Мастеру работа всегда найдется.

Однажды я пришла к нему с просьбой выковать серп, и с тех пор нет-нет да и заглядывала в кузницу. Я любила наблюдать за тем, как раскаленный металл, покоряясь его воле, обретает форму, как из грубого бруска рождается лезвие охотничьего ножа, топор, зубья бороны или лемех плуга. Настоящее колдовство! Не чета моим травкам и простым заговорам. И кошкам Огнеяр тоже нравился. Он отшучивался, что они тянутся не к нему, а к теплу горна, но я знала: зверьки чувствуют в нем

то же, что и во мне. Магию. Ведь каждый кузнец — не-много колдун.

А вот деревенские девки его не любили. Боялись страшного ожога, навек изуродовавшего левую щеку парня. Огнеяр не рассказывал, откуда он взялся. Казалось, его вовсе не заботит бугристый след злого поцелуя стихии. Когда я предложила попытаться свести ожог, Огнеяр лишь пожал широкими плечами и равнодушно позволил:

— Возись, коль охота. Выйдет толк — хорошо, а нет — не беда.

Увы, старая рана не поддавалась ни заговорам, ни мазям. Я огорчилась, испробовав все и не получив желаемого результата, а кузнец лишь махнул рукой, заявив, что мужчине не обязательно быть пригожим.

— Так девки от тебя шарахаются! — возразила я и тут же осеклась. — Ой...

Огнеяр лишь негромко рассмеялся, ничуть не оби-девшись, и произнес:

— Не все. Есть одна девица, которую не страшит мой прекрасный лик.

— Я ведьма, — напомнила я. — Мне ли бояться внешности. Говорят, те из колдовок, что до старости доживают, все как одна ужасней болотных коряг! Носы крючковаты, руки узловаты.

— Осень жизни никого не красит внешне, — спокойно отозвался кузнец. — Главное, что здесь, — он положил руку себе на грудь, — будет внутренний огонь гореть ярко, и люди будут тянуться, чтобы согреться у него. Не будет — и сгниет человек, как та коряга в болоте. Даром что еще живым по земле ходить будет.

— Кому какой путь предначертан, — кивнула я.

— Я не верю в предначертанное, Зарина, — бросил Огнеяр и наклонился, чтобы погладить трущегося у ног кота. Белого, одного из тех трех, что прибились ко мне с год назад. — Живой огонь в горне сильнее любого колдовства. А судьба — это не то, что тебе уготовили боги. Мы выковываем ее сами, закаляем дух в невзгодах и не даем пламени внутри угаснуть. Ты сама выбираешь путь, которым пойдешь.

— На мне метка Осени, — напомнила я. — И я ее не выбирала, как не выбирала быть ведьмой. Дар однажды просто проснулся.

— И ты выбрала принять его, а не отвергнуть, — хитро прищурился кузнец.

Белый кот на его руках согласно мурлыкнул, а от порога хрипло, в один голос, мяукнули еще двое — черный и бело-дымчатый. Пушистые предатели! Я вскинулась, готовая возразить, что не могла отказаться... И так и не произнесла ни слова. Могла. Не захотела. Надеюсь, что стану полезной, незаменимой, и тогда перестану быть изгоем в семье. Не вышло. Зато хотя бы ведьмой и колдовкой меня теперь называли за дело. Кажется, Огнеяр знал меня лучше, чем я сама.

— Выбрала, — сухо подтвердила я. — Раз уж Осень решила одарить меня, к чему отказываться?

— Есть дары, которые лучше не принимать, — тихо произнес Огнеяр.

Он потянулся к изуродованной ожогом щеке, но, спохватившись, отдернул ладонь, так и не коснувшись кожи. Опустил наземь кота и направился к горну. Разговор был окончен. И к теме выбора мы больше не возвращались. Вот только она сама меня настигла, и уже не в дружеской беседе, а в жизни.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

